

является характерной особенностью деятелей чешского возрождения.

Любопытно отметить одну замечательную подробность из жизни молодого Франтишка. В августе 1812 г., 14-ти летним юношей, Палацкий, возвращаясь послѣ летних каникул в Пресбург, гдѣ он учился, по дороге остановился на отдых в деревнѣ Тричи. Хозяйка дома, пожилая чешка, читавшая газету «Hromadské noviny», не могла понять нѣскольких чешских слов и обратилась за разъясненіем к нему, который — о, ужас! — оказался тоже беспомощным. Это ничтожное по виду, но глубокое по смыслу, обстоятельство заставило серьезно призадуматься молодого Франтишка над судьбой чешского народа. Его положеніе было тяжким, ибо он не умѣл читать на родном языкѣ литературу. С подобным положеніем будущій отец чешского народа не смог примириться и он начал серьезно изучать родной язык, литературу и исторію. Основательное изученіе духовной стихіи родного народа навело его на мысль стать историком, ибо сквозь правдиво написанную исторію Чехіи, как в зеркалѣ отражались безспорность исторического и нравственного права чешского народа на независимое существованіе.

Послѣ очень непродолжительной пробы в области поэзіи и эстетики он окончательно посвящает себя на разработку отечественной исторіи. Получив в 1829 году предложеніе от Пражскаго Управленія быть исторіографом Чехіи, он был утвержден австрійским правительством в этом почетном званіи лишь через десять лѣт. Ф. Палацкий в поисках источников неоднократно совершал заграничныя поѣздки и сдѣлал нѣсколько предварительных научных опубликованій. Создал себѣ имя изданіем третьяго тома «Skriptaris regum bohemi-sarum» в 1846 г. Его исторія чешского народа «Dějiny národu českého v Čechách a na Moravě», вышедшая в пяти томах в 1876 году, обнимающій період с момента зарожденія Чехіи до смерти Людовика Ягелона (1526), заслужила ему общеевропейское признаніе. Еще в 1867 г. Палацкому писал извѣстный нѣмецкій ученый историк Перенц — «Примите мои искреннія поздравленія с окончаніем Вашего патриотическаго труда. Exegi monumentum aere perennius — вот что должно быть Вашим неизмѣнным девизом». И эта скромная похвала, исходившая из враждебнаго лагеря в данном случаѣ была с большой справедливостью примѣнена. Замѣчательно, что Ф. Палацкий, не потерявшій с годами ни усердія, ни пыла, по мѣрѣ приближенія конца своего труда Исторіи Чехіи, начал ей придавать болѣе глубокаго смысла. Ему уже недостаточно возстановить былую славу родного народа, он стремится подготовить себѣ достойных преемников, которые могли бы с успѣхом продолжать начатое им дѣло, — дѣло, заключающееся в том, что высочайшая цѣль исторіи — учить человечество добру, приближая к идеальной справедливости условия общественной жизни. Он много и охотно поощрял молодых писателей. Под его непосредственным руководством и личным наблюденіем стала собираться коллекція рѣдких рукописей и документов, найденных или в архивах и позволявших ученым легко поставить свои изслѣдованія на прочныя объективныя основы.

Так Эрбен в 1857 г. начал свои Regesta diplomatika Чехіи и Моравіи, продолженныя Эмлером, который своим изданіем Reliquiae tabularum regum в 1870 г. был зачислен в ряды европейских знаменитостей. Ф. Палацкий создал не только новое, ибо, «исторія чешского народа» есть первая попытка научно изложить отечественную исторію, но и в значительной мѣрѣ подготовить будущую работу. Конечно, от этого заслуга его не уменьшается. Он оставил послѣ себя больше чѣм книги — он оставил школу. Ф. Палацкий был не только прославленнымъ ученым но исключительной плодовитости

в своих научных познаніях, но и не менѣе отличным политиком. Его особой заслугой является и то, что он очень рано понял, что политическая свобода есть необходимѣйшее условие для роста и правильнаго развитія сокровенных національных задатков. Проникнутый духом правды и права, он постоянно и неустанно вел ожесточенную борьбу с австрійской гегемоніей за право національнаго самоопредѣленія чешскаго народа. Революція 1848 г. вызвала его к активной политической дѣятельности и он играет видную роль в Чехіи, Вѣнѣ и Кромержишѣ, куда переѣхал двою, правительство и сейм, вслѣдствіе вѣнских беспорядков. Как видный член чешской національной партіи, он был депутатом в Франкфуртском предпарламентѣ, гдѣ категорически высказался против централистических стремленій нѣмцев, против представительства Чехіи в имперском парламентѣ, за федерацію. Отнынѣ он активно выступает на всѣх отвѣтственных Собраніях и Съѣздах, вызванных революціей, добросовѣстно защищая точку зрѣнія чешской національной партіи, заключавшуюся в непремѣнном объединеніи трех областей австріи (Богемія, Моравія и Силезія), населенных преимущественно чехами в одну самостоятельную государственную единицу, подобно Венгріи.

Послѣ насильственнаго закрытія Сейма в Кромержишѣ в 1849 году, Ф. Палацкий, ставшій в глазах правительства неблагонадежным, вынужден был оставить свою политическую дѣятельность и вновь посвятить свои силы излюбленной своей наукѣ — исторіи. Хотя Министерство Паллесдорфа, желая привлечь на свою сторону чешскую національную партію, дважды предлагало ему портфель, но он вѣрный завѣтам своей партіи, неизмѣнно отклонял эти лестныя предложенія. В 1860 году, когда новая конституція вновь создала благоприятную обстановку для Чехіи, Палацкий снова выступил на политическое поприще, как признанный вождь своего народа. В 1861 году он был назначен пожизненным членом австрійской верхней палаты, а в 1863 году основал газету «Народ», потом «Прогресс», в которых со свойственным ему безстрашіем и убѣжденностью проводил идею историческаго права чешскаго народа на независимое существованіе.

В самом дѣлѣ, трудно было найти болѣе подходящій лозунг, способный объединить и воодушевить его соотечественников на героическую борьбу с угнетателями. Эта теорія была выгодна еще и тѣм, что она легко подрывала престиж такой династіи, как Габсбурги, власть которых исключительно покоилась на рядѣ давно и грубо нарушенных договоров и сомнительной традиціи. Ф. Палацкий является замѣчательным человеком, обстоятельное изученіе жизни и дѣятельности котораго может не только умственно обогатить, но и нравственно поднять. Личность Палацкаго замѣтно возвышается над цѣлым столѣтіем и ярко представляет вѣкъ чешскаго возрожденія.

Ученик Добровскаго, связанный личной дружбой с Шафаржиком и соратник Гавличка, он как бы воплощает в себѣ всѣ эти три кружныя теченія чешской національной мысли, одинаково поочередно увлекавшія его народ, подобно тому, как в нем слились и три вѣтви единаго чешскаго ствола.

Он родился в Моравіи, молодость свою провел среди словаков с тѣм, чтобы всю остальную жизнь прожить в Прагѣ. Он несомнѣнно является носителем настроеній, увлекавших три поколѣнія и в своем лицѣ олицетворяет всѣ тѣ элементы, сліянніе коих послужило к образованію современной Чехословацкой Республики.

Франтешек Палацкий повстниѣ является отцом современнаго Чехословацкаго народа, ибо чувствено исполненнаго долга замѣняло ему успѣх.

Эрдис Николаев.

4. I. 1928. Прага.

Краткій очерк исторіи Калмыков послѣ их прихода в предѣлы Россіи в XVII вѣкѣ.

Цѣль настоящаго краткаго очерка — в сжатой формѣ познакомить читателя-калмыка с историческим прошлым своего народа, возбудить в нем интерес к этому прошлому.

Дѣло в том, что Калмыцкій народ в цѣлом и его,

воспитывавшаяся на русской культурѣ, малочисленная интеллигенція в частности — очень мало свѣдѣній могли почерпнуть о своем прошлом из русской исторіи, гдѣ о таком огромном историческом явленіи, как монгольское иго, писалось так «как-будто никакого та-

тарского ига и не было». Тем болѣе мало мѣста в этой исторіи могло быть уделено в настоящем сравнительно малому, но в прошлом игравшему крупную историческую роль в судьбах Россіи, Калмыцкому народу.

Вот почему каждый калмыкъ, в ком пробуждался естественный интерес к историческому прошлому своего народа, принужден был такую свою потребность удовлетворить устными народными легендами, а немногіе счастливы — рѣдкими, малодоступными специальными трудами единичных специалистов-монголо-калмыковѣдов.

И то немногое, что находило себѣ мѣсто между строкъ официальной исторіи, носило отпечаток разноречиваго в Европѣ ходячаго мифа, что всѣ народы, в Азіи сущіе, суть «дикие варвары», «сволочь человечества»*), а всѣ их поступки и дѣянія — «азиатскій варваризм».

Соотвѣтствует ли такой категорической суд дѣйствительности в отношеніи всѣх народов Азіи — пусть судят другіе, но об одном из них, Монгольском народѣ, нѣмецкій ученый Др. Б. Лауфер, прекрасный знаток монгольско-калмыцкой литературы, много мифа.

«Павшіе с высоты своего стараго политическаго могущества, как современные греки и итальянцы, лишенные всѣх признаков прошлаго блеска, они (монголы), благодаря своему наполовину осѣдло-земледѣльческому, наполовину кочевому образу жизни, в настоящее время производят впечатлѣніе так называемых «дикарей», в которых отнесены ошибочно и пренебрежительно. Но среди этих безмечных дѣтей природы раскинулись полные жизни торговые города, промышленные центры, налаженные пути сообщенія и прежде всего роскошные храмы и монастыри, мѣстопробытаніе религіозно-схоластической учености и усерднаго изученія книг, с их богатыми библиотечками и безпрестанно работающими типографіями, с их коллекціей скульптуры и картин, с их разными факультетами, кафедрами и рефератами...»

«...Монгольская литература может нам помочь и предоставить цѣнные матеріалы для разрѣшенія как общих вопросов, так в особенности для до сих пор не разрѣшеннаго вопроса об исторіи вѣстских племен на территоріи Средней и Сѣверной Азіи. И здѣсь достижения монголов далеко выходят из рамок чисто литературнаго значенія; они превращаются в цѣннѣйшія культурно-историческія и этнографическія свидѣтельства, тѣм что они раскрывают нам общія связи с народами отдаленнѣйшей Фузы и обнаруживают историческія нити, связывающія всю человѣческую мысль. Центральное положеніе, занимаемое монголами в Азіи сдѣлало их так сказать центральным пунктом духовной культуры, очагом, плани котораго заимствовали различные племена...»

*) Выраженіе П. А. Словцова — Историческое обозрѣніе Сибири, С. П. Б., 1856 г., изд. Н. Н. Скороходова, стр. 3.

В общаѣ же историческаго значенія монгольскаго ига, его вліянія и общественно-политической жизни Россіи историкі далеко не единодушны, хотя болѣею частью сходятся на квалификаціи его, как абсолютнаго зла, кромѣ грабежа и убійств ничего в себѣ не несущем, ничего русскому народу не давшем. Въместо объективнаго вложенія событій этой эпохи болѣею частью европейских историков, в том числѣ и русских, страстно прославляют по ним, как по событіям, представляющим из себя историческаго интереса.

Но вот тот же др. Б. Лауфер держится иного мнѣнія и говорит слѣдующее:

«...Мировое историческое значеніе монголов настолько велико, что нас должно живѣйшим образом интересоватъ все касающееся духовной жизни народа, который нѣкогда смог потрясти всю Европу, а ее народы и нас повлечь в сферу своего вліянія. В исторіи нашего отечества они залеймены именем варварских орд, на школьной скамьѣ они выставляются нам чертѣ китайской туши и предтечей пресловутой желтой опасности. Тем болѣе обявана наука выступить против такого страннаго опредѣленія и приблизить этот народ в общечеловѣческом отношеніи к нашим сердцам. В своих нѣснах он встает перед нами со своими радостями и горестями, со своей искренней любовью к Родинѣ, к широкой степи и к горячему степному вою, с трогательной привязанностью к матери, к возлюбленной, к женѣ. Мы познаем общечеловѣческія и вместе с тѣм благородныя и рыцарскія черты этих необузданных сыновей степи, которые нѣкогда стучались в двери нашего отечества такими могучими ударами меча...»

Калмыцкій народ есть часть Монгольскаго, три вѣка тому назад прибывшаго на юго-восток Россіи и никогда не прерывавшаго духовной связи с своей древней родильней.

Калмыцкій народ на всем протяженіи этих прошедших вѣков выполнялъ величайшія задачи Русскаго государства, а отдѣльная нѣтъ этого народа вошла неразрывной частью в единую семью Донскаго Кавказства, на протяженіи около двух вѣков дѣля с ним радость побѣд и горести пораженія.

Исторія Калмыцкаго народа полна военными дѣяствіями, боевыми столкновеніями с народами юго-восточной Россіи, очень часто калмыки оставались побѣдителями и поступали жестоко с побѣжденными. И совершенно не слѣдует усматривать в этих дѣяствіях какую-то особую историческую цѣнность и далек от поклоненія этим побѣдам. Но такова была обстановка, в которой жили и дѣйствовали историческія личности, таково было пониманіе их, таков был дух времени.

Тогда эти встрѣчи происходили на полѣ брани, споры разрѣшались силой оружія; теперь надо пожелать, чтобы эти встрѣчи происходили на полѣ культурном и вопросы разрѣшались силой разума.

Продолженіе на стр. 48.

Из жизни калмыцкаго пансіона при Русской Реальной Гимназіи в Прагѣ.

В январѣ—февралѣ 1922 г. при распредѣленіи дѣтей бѣженцев из Константинополя в славянскія страны калмыцкія дѣти, отравленные в числѣ других в Болгарію, распредѣляются по двум школам: одна группа в количествѣ 24—25 человекъ в русскую гимназію в селѣ Дельне-Орѣховом, Тырновскаго округа, гдѣ находилось около десятка мальчиковъ, эвакуированных из Крыма, а другая — болѣе 50 человекъ — в русское среднее сельско-хозяйственное училище в Кашиновском и Плановском монастырях, того же округа.

Общія условія, связанныя с крайним недостаткомъ матеріальныхъ средствъ по содержанію возникших в Болгаріи русскихъ учебныхъ заведеній, не удовлетворительная постановка учебно-воспитательнаго дѣла, тяжесть всей обстановки заставляли многихъ учащихся оставлять школу, устраниваться на сторожѣ, уходить к станичникамъ на работу, а если имѣлись родные и близкіе, то к ним. То же самое стало происходить и с на-

шими дѣтьми, а весна 1923 года обѣщала полное их распыленіе.

На этомъ тернистомъ пути нашей молодежи, благодаря просвѣщенному вниманію Чехословацкаго Правительства и невѣрнымъ работамъ о нас нашего давнишняго общественнаго дѣятеля и культурнаго работника Бадмы Нарановича Уланова, улыбулась счастливая судьба увидѣть ту Золотую Прагу, являющуюся свѣтлым маякомъ на темномъ фонѣ русскаго эмигрантскаго бытія.

Прибывъ в Чехословакію 21 апрѣля 1922 г. в составѣ 26-ти учащихся, двухъ воспитателей — Б. Б. Кушанова и пишущаго эти строки и одного учителя — С. В. Баянова, мы и положили начало калмыцкому отдѣленію пансіона при Русской реальной гимназіи в Прагѣ, гдѣ до нас училось пять калмыцкихъ мальчиковъ. Эта молодая гимназія, основанная годомъ раньше нашего прибытія, находилась в веденіи двухъ Министерствъ Че-